

DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.013
УДК 81-119 + 929:81 + 811.161.1'373.2

А. В. Подчиненов
Т. А. Снигирева

SEGUI IL TUO CORSO

Рец. на кн.: Не просто прожитая жизнь: Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях / сост. Т. В. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 640 с.; илл.

Рецензируется книга о выдающемся российском ученом, докторе филологических наук, профессоре, члене-корреспонденте РАН, основателе Уральской топонимической научной школы, первом главном редакторе журнала «Вопросы ономастики» А. К. Матвеева. Авторы акцентируют внимание на неординарности личности ученого, реализовавшего себя в науке, в творчестве, в жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Александр Константинович Матвеев, ономастика, топонимия, научная школа.

Писать рецензию на книгу об Александре Константиновиче Матвееве «Не просто прожитая жизнь» далеко не просто. По разным причинам. Поражает масштаб личности АКМ (так чаще всего звали его за глаза на факультете), подавляет масштаб содеянного им, впечатляют его цельность и целеустремленность. И постоянно возникает соблазн продолжить книгу своими воспоминаниями, своей историей, связанной с ним, поскольку, даже если не принадлежишь к его ученикам, его кругу, но долгое время дышишь с ним одним воздухом филологического факультета, что-то происходит, что-то случается в соприкосновении с ним.

Не прост и жанр книги — биография в документах и воспоминаниях, — жанр, подразумевающий максимальную объективность и в то же время допускающий высокую степень субъективности. Памятуя о системности и пунктуальности АКМ в сборе архивов, можно предположить, какой чудовищно огромный материал пришлось просеять составителю книги, отобрав то, что ярче и полнее всего характеризует многомерную, сложную, неординарную личность ученого, педагога, друга, отца и мужа. Основные разделы книги — это и есть составляющие «трудов и дней» АКМ: «Наука», «Кафедра», «Экспедиция», «Библиотека», «Семья», «Увлечения», «Творчество»; необходимая преамбула — краткая, но содержательно написанная биография ученого и размещенная на форзаце хроника жизни. Т. В. Матвеева так объясняет свою концепцию книги: «Биография ученого отражается прежде всего в его исследованиях, но, при огромной их значимости, всего об авторе они рассказать не могут. Теперь, когда реальная жизнь А. К. Матвеева уже завершена, хочется создать его духовный портрет. И чтобы создавали его разные авторы, много людей (в книге их более шестидесяти. — *А. П., Т. С.*), учителем, коллегой, другом, родственником которых

был Александр Константинович. Он оставил след в их судьбах, им есть что рассказать» (с. 3). Но тут же со всей определенностью уточняет: «Материалы, составившие данный сборник, имеют разное авторство, хотя наиболее заметный автор этой книги — именно А. К. Матвеев» (Там же). С этим нельзя не согласиться: за каждым словом, сказанным, написанным в книге, слышен голос, интонация Александра Константиновича, за образом каждого из авторов проступает образ главного героя. Но в книге присутствует и другой «заметный» автор — составитель Т. В. Матвеева, предваряющая своим словом все разделы, связывая их воедино, пишущая свои воспоминания, свои мемуары о человеке, с которым была рядом более сорока лет. Она, словно Вергилий, ведет нас по жизни АКМ, открывая «круги» его жизни и личности.

Именно она определяет и сложную интонацию книги, пронизанную горечью утраты и благодарностью за прошлое, шемящей тоской и чувством ответственности за память, а главное, ту степень откровенности, которая, гранича с интимностью, не переступает эту тонкую грань. Слово Т. В. Матвеевой создает своеобразный контрапункт всему содержанию книги наподобие музыкальных конструкций особо предпочитаемых АКМ фортепианных произведений Шумана, Шуберга, Шопена. Голос Т. В. Матвеевой постоянно вступает в непрекращающийся диалог с голосом главного героя, как бы продолжая старые беседы, досказывая то, что не было сказано ранее. Это может быть размышление о том, что такое «университетский стиль», рассказ о домашней библиотеке, замечание о том, что «традиция общения посредством дарения книг в научном мире жива и здорова» (с. 392), о роли заведующего кафедрой: «Заведующий кафедрой, в сущности, это коренная должность в русских университетах. Он должен быть един в трех лицах: не только ученый и педагог, но и администратор. А. К. Матвеев умел и это» (с. 156). О том, что АКМ — блистательный лектор, знают все. Т. В. Матвеева буквально делает подарок его ученикам, пускает в его лабораторию, публикуя вводную лекцию спецкурса «Топонимия летописной мери»: «Историческая судьба многих народов сложилась неудачно, поступь истории — тяжелая поступь <...> Меря — один из таких народов с драматической судьбой...» (с. 161). Для многих, читающих эти строки, голос Учителя вновь становится живым, вспоминается его манера работы в аудитории, его взгляд, жест.

«Не просто прожитая жизнь» — книга разворачивающихся пространств неординарной души. Сюжет ее, само развитие (саморазвитие) текста нацелены на восстановление / реконструкцию пути личности, которая сумела «с тропы своей ни в чем не сступая, не отступая, быть самим собой» (А. Твардовский). В результате найден свой путь в науке, создана своя кафедра, «матвеевская» научная школа, наконец, утверждено свое, сделанное путем преодоления многих «не положено», «нельзя», «невозможно», приватное пространство жизни, свой порядок и распорядок судьбы.

В очерке, открывающем книгу, — «Путь в науку: генеалогия личности» — приведен уникальный документ — служебная записка легендарного для факультета П. А. Шуйского проректору по учебной работе. Раздражительный тон пишущего не может скрыть удивления перед самостоятельностью и целенаправленностью молодого преподавателя, «легко берущегося за проведение многих предметов (средневековая латынь, античная литература, сравнительная грамматика индоевропейских языков, греческий язык, восточная литература)» (с. 13–14), «легко переходящего от одной специальности к другой, отказавшегося уже от четырех кандидатских тем» (с. 14), самостоятельно планирующего свою учебную нагрузку и время и место поступления в аспирантуру (!). Нельзя

не согласиться с репликой автора очерка: «В общем, вроде бы порицает пожилой доцент молодого коллегу, но при этом рисует образ человека сильного, яркого, уверенного в себе и в своем призвании» (с. 14). Добавим: документ свидетельствует еще об одном качестве будущего члена-корреспондента Российской академии наук — силе воли, силе характера, способности идти только своим путем, в науке прежде всего.

В обобщающей научные достижения А. К. Матвеева статье «От чуди до мери», опубликованной в свое время в «Вопросах языкознания», есть характерное определение: то, чего не было в языкознании «до Матвеева». Точно отмечено то новое, что создал в науке АКМ: «Свой отпечаток на труды Матвеева накладывает превосходное знание уральских, северорусских и т. п. ландшафтов, изученных им на уровне профессионального геодезиста и картографа» (с. 57); «Важно подчеркнуть качественный аспект собранных в ТЭ материалов, гарантируемых проведением полевой работы по оригинальной и эффективной программе, составленной при участии и под редакцией А. К. Матвеева и неоднократно корректировавшейся в зависимости от решаемых научных задач. Важнейшие методические “императивы” ТЭ состоят в следующем: 1) сплошной сбор материала в каждом без исключения населенном пункте обследуемой территории; 2) осуществление топонимического исследования как части комплексного обследования территории — параллельно со сбором данных по другим разделам ономастики, а также по диалектной лексике; 3) учет и лингвистической (варианты слов, ударение, словообразовательные и синонимические связи, мотивационные контексты, семантические микросистемы и др.) и нелингвистической (географическая привязка топонимов, характеристика обозначаемых ими объектов) информации; 4) проверка каждого записанного факта у нескольких информантов» (с. 59–60). В не менее научно концептуальной статье «Во главе научной школы» продолжено очерчивание того, что сделано ученым: «Очные и заочные сражения во имя субстратной топонимии Русского Севера, ставшие одной из самых интересных страниц отечественной топонимии, улеглись с появлением на поле битвы весомого аргумента — докторской диссертации А. К. Матвеева “Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Севера европейской части СССР”, блестящая защита которой состоялась в 1970 году. В ней нашла исчерпывающее выражение новаторская концепция ученого, основанная на трех китах: полевых материалах, достижениях ареальной лингвистики и строгом учете фонетических соответствий. На этих опорах базируется закон семантической мотивированности топонимов, раз и навсегда отмечающий рассуждения о произвольности и непознаваемости причин географических собственных имен. Отсюда открываются широкие пути интерпретации топонимов как памятников истории и культуры народов, выявляются возможности установления карты былого расселения племен по данным топонимии. Именно этот историко-культурологический пафос наиболее характерен для трудов А. К. Матвеева, который ценит в языке связь с жизнью народа, его сложным и противоречивым бытием» (с. 72–73).

Но по мере разворачивания «сюжета пути», являющегося доминантным в книге, в собственно научный дискурс обобщений о сделанном ученым всё активнее вплетается голос самого героя, в результате чего начинают обрисовываться особенности характера, позволившие успеть сделать так много, характера непростого, но определенного и сильного, не терпящего дилетантизма, непрофессионализма, верхоглядства, особенно амбициозного. Суровая требовательность к себе оборачивалась у АКМ чаще всего доброжелательной требовательностью к другим. Это проявляет себя в разных формах

повседневной профессорской работы, раскрывая его как ученого, человека и гражданина. Вот выдержки из внутренних рецензий на присланные в журнал статьи (в данном случае он позволял быть лаконичным и достаточно резким): «Серьезно обсуждать такую статью невозможно. Об ее публикации не может быть и речи» (с. 102); «А уж причем тут японские и корейские данные — вообще невозможно додуматься. Короче — галиматья!» (с. 142). Выступая в качестве оппонента, он критикует, как правило, конструктивно, с видением положительных сторон: «Работа молодого исследователя, несомненно одаренного и трудолюбивого, читается с большим интересом. Это отнюдь не стандартная диссертация, в которой все причесано и прилизано, но мало собственных мыслей. Здесь есть и недостатки, и спорные моменты, но все искупается самостоятельностью, интересом к делу, методическими находками и глубоким осмыслением поставленных вопросов» (с. 106). В теоретическом докладе, рассуждая о влиянии языка на жизнь и судьбу нации, он резок и непримирим, но то, о чем он говорит, актуально и сегодня: «Национализм почти всегда и почти везде начинается с языка, а его развитию у нас способствовали унификация советского менталитета и языковая ассимиляция <...> И хотя общий менталитет во многом задается образом жизни, есть еще язык, есть народная память, иногда очень болезненная, этническое самосознание, есть, наконец, сны на родном языке, которые видит даже последний оставшийся в живых представитель вымирающего народа. А если народ жив, все эти факторы становятся бочкой с порохом, которая взрывается от поднесенной спички» (с. 131); «Плохая политика обычно не в ладу с наукой, и отношение нынешних властей на всех уровнях к проблеме переименования — наглядная иллюстрация этого» (с. 132).

АКМ умел разбираться в людях, выделял надежных, не прощал предательства, но такие же требования предъявлял и к себе. В книге есть публикация уникальной записки «для себя» «О сотрудниках экспедиции», где он дает характеристики участникам экспедиции, включая самого себя (имена, кроме АКМ, убраны составителем, который не без колебаний пошел на обнародование этой записки): «NN-2. Очень надежен, но еще не вполне научился владеть собой и такту. Честолюбив, свободолюбив, рожден командовать. Если отшлифуется, то будет гордостью кафедры и факультета. NN-3. К сожалению, не во всем хорош. Не откровенен, себе на уме, устремлен на себя, не видит других, если не подскажешь. Циничен и груб, считая это достоинством. Очень талантлив, но с гнилью. Вряд ли на него следует в дальнейшем опираться. <...> Матвеев А. К. Всё ничего, но надо быть еще сдержаннее» (с. 374).

И конечно, характер явлен в обширном эпистолярном наследии. Правда, пусть даже резкая, для него нравственное, совестливее. Из ответного письма к бывшему ученику: «В заключение замечу, что своему учителю такие письма (даже сгоряча) не пишут. Письмо оскорбительно для меня и унижает тебя. Мне таких писем прошу больше не писать» (с. 426). Или из ответа краеведам: «Совершенно очевидно, что между нашими “подходами” к топонимике настолько большая разница, что она почти исключает возможность взаимопонимания. Простите за резкость, но так лучше» (с. 429).

Большой фрагмент книги — воспоминания учеников — один из самых трогательных в книге. Поэтика названий говорит сама за себя — от полных открытой благодарности («Духовный наставник», «Через всю мою жизнь», «Спасибо учителю», «След в памяти», «Я тоже у него училась») до дружеских и шутивно-домашних («Уроки Тиныча», «Мой Матвеев», «У каждого свой Матвеев», «Река АКа», «С Матвеевым на багажнике», «Между нами, девушками, говоря», «Леночка, будь женщиной!»). Пафос этой части книги можно передать строками из эпитафии, предпосланного одному из воспоминаний: «Как

отблагодарить, чем отплатить за все, что он для меня сделал? Ничем, ну ничем за это не отплатишь. Нет этому цены» (Р. Брэдбери) (с. 214).

И вновь голос составителя ведет нас к следующей важнейшей части жизни АКМ и его учеников: «В экспедиции для него сошлись наука и воля вольная (природу он любил истово, постоянно в городе просто не выживал). Экспедиция — это леса, медлительные реки и песчаные волокнистые Архангельской области, Саянские горы, останцы Северного Урала, да мало ли что еще. А главное — нерешенные научные задачи, азарт поиска и открытий» (с. 235). Повествование этой части книги — напряженно-драматическое и романтично-азартное одновременно. Непрестанная, целеустремленная работа и удивительная природа, знакомство с небанальными людьми и комары, мошка, дождь, холод, ожидание вертолетов, точный расчет продуктов, научное открытие (обнаружение последней из калмажей) и прямые опасности, а над всем этим — тот, кто уберезит, предостережет, выведет, но и потребует полной самоотдачи — Шеф, Кусай-ойка, Большой начальник.

Многообразие экспедиционной жизни диктует удивительное жанровое разнообразие этой части книги, которое только и способно дать представление о том, что такое ТЭ. Это дневники начальника экспедиций, их участников, воспоминания, песни, сочиненные у костра, в том числе «Гимн топонимистов», газетные и журнальные заметки, интервью. В этой части много фотографий, карт, цифр, планов, отчетов, документов, среди них и такой: «Расписка. Я, Анямов Владимир Прокопьевич. Таю, настоящую расписку в том что получил от начальника экспедиций Мадвеева АКа за работу провотником и изобользования нарты с шеднатого по тридцатого июля сорок руб. Анямов В — 31/VII— 71 г.» (с. 341).

Характерно, что почти все заметки, воспоминания, зарисовки, дневники несут не только печать подлинности, но в каждом из них есть свой «момент истины». Это может быть ситуация якобы случайности (но надо же было *дойти* и суметь *услышать*), приведшей к встрече с последней носительницей языка: «Александр Константинович, она сказала *копто* и *эпты* <...> Я пошла к ней за молоком, разговорились. А она возьми да и скажи, *какие у копто эпты*. Я спросила, что она сказала и по-какому. По-нашему, говорит, по-таежному: *какие, мол, у девки волосы*» (с. 267). Это может быть описание, чуть иронически окрашенное, о встрече, отнюдь не безопасной, с медведем — хозяином Белогорья: «Шеф держал палец на спусковом крючке, и мне даже показалось, что он его нажимает. Я ждал с веревкой в одной руке, патроном в другой и соображал, как я буду веревкой эту громаду связывать, если шеф промажет. И вот тут медведь остановился, поднял голову, посмотрел на нас еще раз... Мы замерли» (с. 283). Это могут быть строки песни: «Не смей об информанте свысока / Ни говорить, ни думать, ни рассказывать: / Носители родного языка / Бывают лишь хорошии и разные» (с. 239). Наконец, это может быть ответ начальника экспедиции, какие находки в ней оказались самыми ценными: «Чтобы ответить на этот вопрос, надо на месяц бросить работу» (с. 296). По мере чтения о том, как готовились, проходили и каким сбором материала заканчивались экспедиции, буквально материализуются слова научного сообщества и учеников АКМ о его особом методе, приведшем и к созданию своего направления в науке, и к своему способу познания языка: «Если многие ученые расшифровку собранного материала ограничивают работой со словарями, то Матвеев считает, что топонимист должен не только записать слово, но по возможности “пощупать” предмет, который он обозначает. Такой метод вполне оправдан, если учесть, что названия рек, озер, гор чаще всего даются, исходя из их “характера”, формы, окружающих условий» (с. 270).

Понять, сколько счастливых мучений стоило составителю, его соратникам, помощникам, родным людям сделать эту книгу, может только тот, кто потерял очень близкого человека и для кого даже просто взгляд на родной почерк ушедшего почти невозможен. И сколько нужно было мужества и силы, чтобы решиться на разбор и осмысление архива. На такое способна сподвигнуть только любовь, которая звучит и в воспоминаниях дочери: «Он представлялся мне сказочным героем <...> Самое прекрасное, что с годами это восприятие не только не исчезало, а получая все новые подтверждения, укрепилось до монолита — в жизни отца действительно было все то, что представлялось моему детскому уму: и открытия, и приключения, и беззаветное служение науке» (с. 462); и в стихах сына: «Всю жизнь ты гордо был самим собой, / сейчас же спустишься к реке — на берегу / твой младший сын сварил уже уху. / Вы встретились опять, помяните живых, / передавай привет, ведь среди них / вас нет обоих... Вновь блещит река» (с. 621); и в воспоминаниях друзей: «Сейчас, когда я смотрю на наше пианино, мне очень грустно. Уже не придет к нам пожилой профессор со своим любимым портфелем, в котором лежали не только ноты. В нем лежала музыка, которая ждала, когда она зазвучит под руками человека, любящего ее беззаветно и жаждущего поделиться теми чувствами, которые она вызвала» (с. 512).

В своих увлечениях АКМ поражает всем — и разнообразием (волейбол, рыбалка, охота и... игра на фортепьяно), и степенью самоотдачи: «Но понимаете, для домашнего музицирования он играл великолепно! Причем он эмоционально играл, он с чувством играл. Шопена играет, голову запрокинет... Нет, молодец! Я все удивлялась, поражаюсь и восхищалась, откровенно говоря. Потрясающе. Чтобы семь лет ходить на уроки...» (с. 507).

Составитель — филолог, знающий силу слова, одним абзацем сумевший снять «хрестоматийный глянец», к которому так склоняет жанр воспоминаний о масштабной личности, Ученом и Учителе: «У идущего от начала книги и дочитавшего досюда человека уже должен сложиться образ центрального персонажа — чуть ли не былинного богатыря: умен и силен, все превозмог, всех победил. Канонизированный образ, икона. А что вы знаете о жестокой неврастении, частых бессонницах, о неприкаянности, болезненной мнительности, страхе предательства, скверных предчувствиях, кошмарных снах, чувстве незащитности и чувстве вины? А ведь это тоже он, Александр Константинович Матвеев» (с. 476).

Думается, творческая сложность характера АКМ раскрывается на протяжении всей книги, и неудивительно, что его личные дневники, письма, рассказы — хорошая русская проза. И, как это принято в нашей поэзии, в его стихах до обморочной точности предсказана собственная смерть:

Ржавеют в портах пароходы
Свои отслужившие сроки.
Накатываются годы,
Накапливают пороки.

<...>

О, если б погибнуть мгновенно,
Как старый большой пароход,
Когда ему меч автогенный
Железное сердце пробьет!

(с. 560)

И этот бесценный дар слова и горький дар судьбы он передал своим детям.

Надежда, которой открывается книга, — «Живи, Александр Константинович Матвеев, теперь научными трудами и книгой этой — живи!» — осуществилась. Перед нами книга, в которой герой благодаря памяти многих вернулся к любящим и благодарным ему, вернулся, «пространством и временем полный» (О. Мандельштам). Вернулся, напомнив нам о важном, что для него, вслед за Данте, стало жизненным кредо — следуй своим путем.

Рукопись поступила в редакцию 28.04.2015 г.

* * *

Подчиненов Алексей Васильевич

доцент кафедры русской литературы
Уральского федерального университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 336; тел.: 8 (343) 350 75 92
E-mail: A.V.Podchinenov@urfu.ru

Podchinenov, Alexey Vasilyevich

Associate Professor, Department of Russian
Literature, Ural Federal University
51, Lenin av., office 336, 620000, Ekaterinburg,
Russia; tel.: +7 (343) 350 75 92
E-mail: A.V.Podchinenov@urfu.ru

Снигирева Татьяна Александровна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы XX и XXI ве-
ков Уральского федерального университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 310; тел.: 8 (343) 350 75 94
E-mail: tas0905@rambler.ru

Snigireva, Tatiana Aleksandrovna

DrHab, Professor, Department of the 20th
and 21st Centuries Russian Literature,
Ural Federal University
51, Lenin av., office 310, 620000, Ekaterinburg,
Russia; tel. +7 (343) 350 75 94
E-mail: tas0905@rambler.ru

SEGUI IL TUO CORSO

Review of the book: Matveyeva, T. V. (Ed.) (2015). *Ne prosto prozhitaia zhizn': Biografiia A. K. Matveeva v dokumentakh i vospominaniiax* [A Life Full of Hardships: A. K. Matveyev's Biography in Documents and Memoirs]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta.

The article gives a brief review of the book devoted to professor Aleksandr Matveyev, a distinguished scholar, the leader of the Ural School of Onomastics and the founding editor of the journal *Voprosy onomastiki* (Problems of Onomastics). The authors emphasize the outstanding personality of Aleksandr Matveyev who did so much in his studies and in his life.

Key words: Aleksandr Matveyev, onomastics, toponymy, school of thought.

Received 28 April 2015